

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Я ТЕБЯ ЖДАЛ

Маргарита Дюжева

Маргарита Дюжева

Я тебя ждал

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дюжева М.

Я тебя ждал / М. Дюжева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Я бежала от своего прошлого. Мне казалось, что дома смогу очнуться после всего пережитого, собрать себя по кусочкам, встать с колен и начать все заново. Домой, скорее домой. Туда где тепло, светло, туда где моя семья. Они все это время скучали, ждали меня. Но, как выяснилось позже, не только они... Тихим шелестом, со всех сторон и одновременно из ниоткуда раздается шепот: - Я тебя ждал... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

За окном мелькают фонарные столбы, освещающие дорогу желтым унылым светом, темные силуэты деревьев, больше похожих на чудовищ, огни стоящих в стороне от дороги деревень.

Ночь.

В междугороднем автобусе кроме меня всего человек семь. Все спят. Тишина. И только я, скинув босоножки, сижу, поджав под себя ноги, и смотрю в окно, думая о том, что жизнь штука странная. Странная, жестокая и, наверное, все-таки немного несправедливая.

Я еду домой.

После трех лет жизни в столице возвращаюсь в свой захудалый провинциальный городок. И это не триумфальное возвращение. Это бегство. От "красивой" жизни. От "сказочного принца". От своих иллюзий.

Я возвращаюсь домой, поджав хвост, как побитая собака, боясь оглянуться. Потому что позади осталась горечь разбитых фантазий, надежд, так и не сбывшихся желаний.

Наверное, надо рассказать, как я оказалась в этом автобусе, у этого грязного окна, покрытого дорожной пылью и высохшими каплями дождя?

Пожалуйста. Мне нечего скрывать.

Меня зовут Диана. Для друзей просто Ди.

Родилась в маленьком городке, в обычной семье. Все как у всех, ничего особенного. Есть младшая сестра, Арина. Мы с ней погодки. Всегда не разлей вода, лучшие подружки. Правда, не виделись уже почти два года. По моей вине. Но, не стоит забегать вперед.

Школа была для меня весьма неприятным местом. Потому что маленькой, несуразной девочке с острыми коленками, огромными глазищами и большим ртом не просто было ходить изо дня в день туда, где ее дразнили глазастым гномом, лягушонком, большеротым пучеглазом и еще не менее неприятными прозвищами.

После девятого класса, сдав несчастные экзамены, уехала на все лето в деревню. Чтобы отдохнуть, переключиться, а по возвращению уйти из ненавистой школы в техникум, начать все с чистого листа. Мои планы смешала Арина. Несчастливая сестра, будучи таким же лягушонком, как и я, слезно умоляла не бросать ее в этом аду. Поэтому сдалась. Осталась. Смирившись, что раз уж девять лет терпела, то еще два дотерплю.

Первого сентября, волоча чуть ли не по земле пресловутые гладиолусы, хмурясь, словно вели на заклание, отправилась на первый звонок. Встала в стороне от класса, мечтая, что бы никто из этой жестокой стаи не обратил на меня внимания. Дождь моросил, ветер промозглый, настроение на нуле.

Именно в тот момент произошло то, что изменило дальнейшую жизнь.

Ко мне подошел самый популярный парень из школы и спросил как дела.

– Нормально, – буркнула в ответ и отвернулась, надеясь, что он сейчас же исчезнет из поля зрения.

А он не исчезал. Так и остался стоять рядом, упрямо пытаясь продолжить разговор. На нас уже все косились, хихикали.

От стыда хотелось провалиться сквозь землю, раствориться, стать тенью, а Сергей, как ни в чем не бывало, продолжал разговаривать со мной, не обращая ни на кого внимания. Затаив дыхание, я все ждала. Когда из его уст прозвучит жестокая шутка,ставляющая меня полной идиоткой перед всеми? Ну, когда же? Когда? Не томи.

Но она так и не прозвучала...

Мало того, после торжественной части он, прежде чем уйти, пообещал, что позже снова увидимся.

Выходя из школы, встретила его на крыльце.

– Я тебя жду, – бодро ответил парень, вызывая искреннее недоумение.

Краснею, когда мимо проходят одноклассницы, одаривая сердитыми взглядами. Для чего все это? В чем смысл жестокого розыгрыша?

– Зачем? – подозрительно покосилась в его сторону.

– Проводить хочу.

– Не стоит, – подняв воротник куртки, пытаюсь обойти его и пробежать по ступеням. Бесполезно. Этот амбал, широко улыбаясь, перегородил дорогу и уверенно заявил:

– Конечно, стоит!

В общем, отделаться от него не удалось. Так и шел со мной до самого дома, развлекая нелепыми историями. Я даже пару раз улыбнулась через силу, потому что мысли были заняты только одним. В чем подвох? Меня снимают на скрытую камеру, чтобы потом выложить в сеть, сдобрив видео злыми комментариями? Или сейчас из подворотни выскочит толпа любимых одноклассников с криком "а, вот и мы"?

Оказалось, нет никакого подвоха.

Просто пучеглазый гном, незаметно для самой себя превратился в миниатюрную ладную девушку с огромными выразительными глазами цвета северного неба, и вовсе не большеротую, а с аппетитными пухлыми губами.

Внезапно все изменилось. Парни стали заглядываться в мою сторону, девчонки, почувствовав, что власть переменилась, стали приглашать в свои компании. Первое время было странно, все ожидала, что сейчас игра закончится, и все начнут смеяться, что это вселенский заговор против меня, шарахалась ото всех.

Помню, тогда даже подошла к маме с этим вопросом. Она посмотрела, ласково-ласково и тихо рассмеялась. До сих пор в памяти этот смех, как перезвон хрустальных колокольчиков:

– Дианка, не переживай, – ободряюще приобняла за плечи, – Порода у нас такая. Долго зреем, красиво цветем. Ты бы видела меня в твоём возрасте – без слез не взглянешь, а потом изрослась.

– И я израстусь? – с надеждой в голосе вмешалась в разговор Арина.

– И ты, – потрепала младшую дочь по голове, – Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Весь вечер рассматривали старые семейные альбомы. Я то и дело недоверчиво косилась на свою красавицу маму. Неужели на фотографиях она? Вот эта нескладная, угловатая девочка, с глазами, как у совенка?

Потом изображение на фото начали меняться. Исчезла и угловатость, и совенок, осталась лишь улыбающаяся счастливая девушка.

Дальше происходило все так, как и говорила мама.

Мы с сестрой действительно израстались, и как в сказке из гадких утят превратились в прекрасных лебедей.

Школу я уже заканчивала веселой, довольной жизнью девушкой, уверенной в том, что весь мир прекрасен и готов встретить меня с распростертыми объятиями.

Затем универ. Развеселая студенческая жизнь. Первая настоящая любовь.

В это время мама вышла второй раз замуж и уехала жить к мужу, в соседнюю область. В результате мы с сестрой остались одни, вдвоем в двухэтажном кирпичном доме. Нравилось ли нам? Конечно! Свобода, взрослая жизнь, вседозволенность.

Мы чувствовали себя такими взрослыми, такими самостоятельными, и такими деловыми. Хорошее время было. Веселое.

Вот только одно не давало покоя. Мне отчаянно хотелось в большой город, где стеклянные небоскребы подпирают тяжелые облака, где есть метро, где театры, музеи и суматошная жизнь.

Мне хотелось испытать ритм большого города, погрузиться в его атмосферу. Ну и естественно, как у любой наивной барышни, теплились мечты покорить столицу. Я тогда мечтала стать репортером, брать интервью у знаменитых людей, посещать важные мероприятия, быть в центре всего самого интересно. О любви конечно грезил. О такой, чтобы раз и навсегда. О принце на белом лимузине.

В общем, классические мечты провинциальной простушки.

Я любила мечтать. Ранним утром стоя на крыльце своего дома, слушая пение птиц, наблюдая за тем, как ночной прохладный туман медленно, как бы не хотая, отступает, чтобы следующей ночью опять окутать все вокруг, погружая в серебристую мглу.

* * *

Может мои детские мечты так бы и остались мечтами, но в один прекрасный миг я решилась. Поняла, что не могу больше прозябать в этой Тмутаракани, что хочу чего-то большего. Хочу идти к мечте.

Ну, что же, захотела идти, и пошла. Полетела на крыльях наивности и эйфории, и веры в то, что у меня все получится, что я особенная.

Немного смутил и охладил мой пыл пессимизм сестры, которая отказалась ехать со мной, мотивировав тем, что любит наш город.

Она действительно его любила. Искренне, от души. Арина была уверена, что лучшего места на земле просто не существует. Рай, да и только.

В общем, в этом вопросе мы с ней не сошлись, и покорять столицу я отправилась одна. Без привычной поддержки и верного плеча рядом. Было страшно, но безумно волнительно, трепетно до дрожи. Я вся горела от нетерпения, от предвкушения новой светлой жизни, радужных перспектив расстилающихся передо мной.

Помню, Москва встретила проливным дождем, суетой, нескончаемым гулом машин. Дезориентировала. Оглушила, сбивая с ног своей сумасшедшей энергетикой.

Нет, я не ехала на удачу, наивно полагая, что меня там ждут, с распростертыми объятиями, и всеми прелестями красивой жизни на блюдечке с голубой каемочкой. Нет. Конечно, нет. Моя наивность не расплывалась настолько широко.

На вокзале меня встречала мамина родственница, у которой в дальнейшем и стала жить. Я уже заранее была записана на пару собеседований, на карточке хранилась определенная сумма скопленных сбережений.

Так что какой-никакой, а стартовый набор у меня был.

Как ни странно, но Москва благосклонно приняла мое появление. Первое же собеседование закончилось удачно. Я нашла работу в небольшой газете. Сначала стажером, на три месяца, с возможностью перехода в штат, при условии, что покажу достойные результаты.

Я была на седьмом небе от восторга и делала все, чтобы этот результат был. День и ночь пропадая на работе, выполняя все, абсолютно все, что поручали. И свое. И чужое. И совер-

шенно несвязанное с моей непосредственной работой. Вообще все, вникая в каждую деталь, в каждую мелочь. И мне это нравилось, безумно.

Работа на износ принесла долгожданные плоды. В штат меня взяли, и я стала на одну ступеньку ближе к своей мечте.

Почти год пролетел как во сне. Счастливом сне. Не скажу, что все было легко и радужно. Нет. Иногда через силу, через стиснутые зубы, но шла вперед к своей цели.

Потом все изменилось. Внезапно, за какую-то долю секунды.

Я встретила ЕГО и забыла обо всем...

На одном мероприятии заметила высокого татуированного парня, и пропала. Не смогла отвести от него взгляд, жадно вглядываясь в притягательный образ, ловя каждый жест. Он заметил мой интерес, шуточно отсалютовал бокалом с шампанским, подмигнул, и все внутри разлетелось в прах. Влюбилась. Впервые в жизни. По-настоящему. До дрожи, до истерики, до слез по ночам, до бешеного трепета сердца.

Это было прекрасно. Это было великолепно. И это стало началом конца.

Но тогда я не поняла, что встала на нетвердую тропинку, и постепенно скатываюсь к пропасти, погружаясь в темное болото.

Наши отношения развивались стремительно, красиво. Напоенные романтикой, чувственностью, обжигающей страстью, они отодвинули на задний план весь остальной мир. Было все. И прогулки под луной, и миллионы алых роз, и многочасовые разговоры по телефону перед сном.

Тетя Катя ворчала, настойчиво рекомендуя, не терять голову из-за первого встречного, потому что в Москве далеко не все так, как кажется с первого взгляда. "Надо держать ушки на макушке" – напутствовала она меня, не вызывая ничего кроме раздражения. Да, что она понимает в любви, которая накрыла словно цунами?

Я лишь неосмотрительно отмахивалась от родственницы, летя к своему любимому на крыльях счастья, в очередной раз забывая обо всем.

В конечном итоге переехала к нему.

Хоть мы никогда и не обсуждали дальнейшие совместные планы, но я уже мысленно примеряла белое платье с фатой, золотое колечко на палец и его фамилию. Купалась в своем счастье, не замечая, как постепенно, неумолимо все меняется.

Романтика незаметно сошла на нет. Страсть утихла. Остались только мы.

Вадим медленно, но верно стал превращаться в бытового тирана. Все чаще его настроение можно было трактовать, как скверное. То он не в духе возвращался с работы, то его не устраивало то, что я делаю, как я делаю. Но я любила его, и терпела, объясняя такие перемены усталостью, проблемами на работе и еще не известно чем. А он тем временем незаметно, но планомерно изолировал меня от остального мира, полностью переделывая под свои желания.

Его раздражало то, что я с кем-то еще общалась, могла сходить погулять, посидеть в кафе. Поэтому сначала он отвалил всех моих подруг. Не знаю, почему позволила ему это. Наверное, была слишком наивна, слаба, и все еще влюблена.

Теперь мой маршрут был каждый день одинаковым: дом-работа-дом. Шаг влево– расстрел, шаг вправо– казнь. Без суда и следствия.

Потом резко сократились мои поездки домой. К сестре и матери. Когда звонила Аринка, я сияла, оживала, клятвенно обещала приехать в ближайшие выходные, но потом приходил Вадим, и мой свет гас. Я становилась просто тенью. Бледной, размытой. Глаза в пол, и страх не угодить. Да, именно страх. Потому что он с каждым днем все больше и больше открывал передо мной свое истинное лицо. Жестокий, грубый, циничный. От парня, в которого я влюбилась, не осталось и следа.

Следующим шагом к моему полному уничтожению стало увольнение. Помню, как вечером рыдала от отчаяния, но передо мной был поставлен ультиматум. Или работа, или он. И я выбрала его. Опять. Сама не знаю почему. Скорее всего, сработала психология жертвы. Больше нечем объяснить, почему я добровольно превратилась в затворницу, со страхом ожидающую возвращения своего хозяина.

Дома всегда чистота, всегда вкусная еда. А иначе и быть не могло. Ведь чуть что не так – Вадим на меня орал, словно я была последним человеком в этом мире. Надо было уходить, а я не могла. Было стыдно возвращаться к тете, после того, как я столь неосмотрительно пренебрегала ее советами и предупреждениями.

И я терпела, хотя с каждым днем становилось все хуже и хуже. Он мог вернуться ночью пьяный, или придти под утро и от одежды несло противными сладкими женскими духами. Терпела, хотя от любви уже ничего и не осталось, превратившись в одну из тех запуганных женщин, которые всегда носят одежду с воротником и длинными рукавами, чтобы скрыть синяки. А они были. Вадим, совсем перестал себя контролировать, и начал распускать руки.

Тогда я первый раз попыталась от него уйти. Он не дал даже выйти из подъезда. Бросился следом с извинениями, с обещаниями все исправить, держать себя в руках. Ползал на коленях, умолял остаться. Повелась. Дура. Поверила.

Второй раз была попытка уйти через месяц. Тот же разговор. Тот же результат. Правда, в этот раз меньше обещаний с его стороны, меньше извинений, и на колени уже никто не вставал.

Третий раз – звонил в трубку и орал, чтобы шла домой.

Четвертый раз – волоком затащил обратно в квартиру.

Пятый раз лучше не вспоминать. Долго ходила не только в одежде с длинными рукавами, но и в солнечных очках. Зимой.

Шестой раз – сам распахнул дверь и, глядя в глаза, произнес: "вали, но я завтра же поеду к твоей родственнице, и сделаю с ней все, что сделал бы с тобой". Я стояла, ревела, глядя на это чудовище, а он лишь хмыкнул, закрыл дверь и пошел на кухню за пивом.

Днем, пока он был на работе, я его ненавидела, представляла, как уйду, как отомщу, как стану счастливой назло ему. Но все мечты испарялись, стоило только Вадиму появиться на пороге дома. Хмурый, с поджатыми губами, тяжелым взглядом. Сжималась, закрывалась, опускала глаза в пол и боялась даже дышать.

Вот во что превратилась моя жизнь. Принц оказался монстром. Потеряла работу, друзей, мечту. Сидела в четырех стенах и медленно сходила с ума, не находя в себе сил бороться. Он меня полностью подавил, лишил силы к сопротивлению, превратив в свою послушную игрушку.

Зря столько мучилась, ждала чудесного избавления. Ой, зря! Надо было давно бежать от него сломя голову, спасая себя от удушки, все сильнее стягивающей горло, перекрывающей кислород. Но видимо чаша терпения еще не до конца переполнилась. Наверное, такой тихушнице как я нужно было что-то такое эдакое, чтобы окончательно пробрало и заставило действовать.

И это что-то случилось.

Как-то пятничным вечером Вадим вернулся с работы не один. С другом.

– Давай-ка сообрази нам что-нибудь к столу, – привычным суровым тоном отвесил ненаглядный, даже не взглянув в мою сторону. И я поспешила на кухню, поежившись от масленого взгляда, которым его друг скользнул по коротеньким шортам, открывающим взору мои ноги.

Торопливо накрыв на стол, убежала в комнату, а они засели на кухне. С бутылкой водки (и не одной) и мужскими разговорами.

На душе было тревожно, поэтому то и дело прислушивалась к происходящему, к их нечетким голосам.

И правильно делала.

В какой-то момент разговор стал еле слышным, и я тихонько подкралась к двери, чтобы подслушать.

– Вадим, слушай, баба у тебя классная. Глаза, словно в душу смотрят. Фигуристая. Губы такие, что только хер сосать.

– Что понравилась? – самодовольно спросил мой милый.

– А то! – хриплый голос неприятно царапнул по барабанным перепонкам.

– Трахнуть хочешь?

– Да, не отказался бы. Может, замутим тройничок? – бодро, с надеждой и уверенностью спросил новый "друг".

– Запросто! Только налить ей надо, а то трезвая как дерево будет, никакого кайфа, орать еще начнет.

В тот момент мне поплохело. Когда на меня снежной лавиной накрыло осознание радужных перспектив на предстоящую ночь, лишая возможности сделать вдох. Два пьяных мужика, один из которых превратил мою жизнь в нескончаемый изощренный ад, а второго вообще первый раз в жизни вижу. Замутило, затошнило. Хотелось сесть в уголок, обхватить голову руками и выть раненой волчицей.

Внутри все гудело, когда вернулась к себе в комнату. Металась из стороны в сторону, размазывая по щекам горькие слезы и пытаюсь найти выход.

Нашелся.

Может, не очень честный, но тут уж не до благородства, когда тебя собираются в два смычка натягивать.

Дождалась пока они вышли на площадку курить, подсыпала им в бутылку своего снотворного, без которого не могла спокойно спать, из-за кошмаров, вытягивающих душу. На ватных ногах снова вернулась в комнату, и тихонько присела на край кровати. Оставалось только ждать эффекта.

Единственное, чего я боялась, так это того, что за мной придут раньше, чем подействуют таблетки.

Зря боялась. Не подвели пилюли. Через полчаса с опаской выйдя на кухню, обнаружила этих двоих в крепком сне, а дальше не стала терять времени. Схватила документы, в спортивную сумку закидала самые нужные вещи. Обчистила карманы Вадима, забрала деньги из его тайной заначки, потому что у самой не было ни копейки за душой. И ушла. Убежала, не оглядываясь, не смотря на глухую ночь за окном. Темнота не пугала, наоборот дарила ощущение пьянящей свободы. Я чувствовала себя как птица, вырвавшаяся из клетки. Выкинула симку, потом подумала и отправила в урну телефон. Вдруг отследит? У него же есть друзья в органах, которыми он всегда кичился.

Поймала такси, доехала до автовокзала, купила билет домой.

Уже сидя в зале ожидания, попросила телефон у незнакомого мужчины и сообщила тете Кате о том, что уезжаю из Москвы, и, скорее всего больше не вернусь. Предупредила ее о том, что Вадим оказался редкостной сволочью и будет меня разыскивать. Со слезами на глазах умоляла ее быть осторожнее. Тетя убедила, что все будет хорошо, что за нее есть кому постоять и пожелала мне удачи, ни словом не упрекнув в том, что не послушала ее, когда была такая возможность.

Вот так я оказалась в этом автобусе. Одна. Без денег, без друзей, без принца на белом коне и работы. Грустно, до слез.

Но чем ближе подъезжала к родному городу, тем теплее и светлее становилось на душе, словно кто-то медленно вкачивал в меня энергию, желание стать счастливой вопреки всему. Хватит с меня столичной жизни, хочу тишины и спокойствия. Хочу забыть о последних двух годах своей жизни и все начать сначала.

Преисполненная светлых надежд и томительного волнения, я бежала от своего прошлого, не догадываясь, какой ужас ждет меня впереди...

К родному дому, утопающему в зелени, подъехала на такси, когда стрелки часов показывали семь утра. Расплатившись с водителем, выбралась наружу, полной грудью вдохнула свежесть летнего утра. Господи! Как же хорошо дышится дома! Воздух кажется живым, сладким, вкусным, родным.

Отпирая калитку, захожу в наш дворик. Здесь все так же. Чисто, уютно. Появилась новая лавочка и стол с резными ножками. Красиво. Чуть поодаль стоит маленький домик-баня, которой в мою бытность еще и в планах не было. В груди колет. Как же давно я не была здесь! Как могла променять родное гнездо на тирана, лишившего воли к жизни? Что со мной стряслось, раз я позволила утянуть себя в черное болото?

Поднимаюсь на крыльцо. Тихонько открываю входную дверь... и сталкиваюсь нос к носу с сестрой. У нее в руках лучшее оружие женщин – сковородка, грозно заведенная для удара. Стоим друг напротив друга, с широко распахнутыми глазами и ртами. Минута полнейшей тишины, а потом смех. Такой, что стекла зазвенели.

– Дианка! – Ариша, откинув в сторону свой боевой снаряд, кинулась мне на шею. Сдавила так, что дыхание перехватило, и изо всех сил поцеловала в щеку. Я ответила тем же, чувствуя, как возрождаюсь из пепла, как спадают с сердца оковы, и оно начинает биться вдвое быстрее, разгоняя кровь, разнося по всему телу искры радости.

Беспросветная тьма, окружавшая меня последнее время, отступает под натиском положительных эмоций, растворяется, исчезает. Я снова дома, снова счастлива.

Да. Вот так просто. Счастлива. И для этого достаточно было оказаться в родных местах, там, где тебя искренне любят.

Перешагиваю через порог, чувствуя, как по оголенной коже пробегают миллионы крохотных искр. Нервно смеюсь. Надо же кто бы мог подумать, что возвращение станет таким бодрящим, оживляющим что ли. Думала, ждут нескончаемые реки слез, долгие мучительные вечера, проведенные в бесплодных попытках понять, почему именно я, за что. Но сейчас, пробыв дома всего пару секунд, понимаю, что не хочу никаких слез, никаких размышлений, хочу просто быть самой собой, такой как до рокового знакомства с Вадимом

С улыбкой на губах поднялась по чуть поскрипывающей лестнице на второй этаж, к своей комнате, в которой провела все свое детство и юность. Аринка прыгала рядом, то и дело пытаясь повиснуть у меня на шее, неустанно трещала, засыпая ворохом восторженных вопросов. Люблю ее. Господи! Как же я ее люблю, и как же я по ней соскучилась!!!

Любимая комната встретила меня все тем же цветастым пледом, покрывающим кровать, что стояла возле окна. Школьными и университетскими фотографиями в рамках, на которых я еще улыбкающая простушка из маленького невзрачного городка, а не вкусившая богемной жизни мегаполиса неудачница.

Эх, не надо было уезжать. Права была Риша. Где родился, там и пригодился. Грусть попыталась снова просочиться в мои беспокойные мысли, но была безжалостно вытеснена сестрой:

– Ди, как же хорошо, что ты приехала! – никак не могла успокоиться, – надеюсь, погодишь подольше? А то совсем со своей столичной жизнью пропала, забросила нас, как не родная!

– Я...это... обратно вернулась... насовсем, – почему-то засмутившись, ответила ей, отводя взгляд в сторону.

– Да? – у нее глаза стали как плоски, – Ты это серьезно? А как же Москва, любимая работа, Вадим?

Услыхав ненавистное имя, непроизвольно передернула плечами.

– Та-а-ак, – протянула дотошная сестрица, – а ну-ка рассказывай, что у тебя случилось.

Села на край кровати, демонстративно сложила руки на груди и серьезно, выжидающе посмотрела в мою сторону.

Стало смешно. Так мама всегда делает, когда ругает или ждет объяснений. Чуть скованно улыбнувшись, присела рядом с ней и с тяжелым вздохом начала свою исповедь. Без утайки, рассказывая и про эйфорию первых дней, и про ад последних. И с каждым произнесенным словом становилось все легче и легче. Словно отрывала от себя ненужный груз, балласт, выбрасывала лишний хлам. Сестра с квадратными глазами сидела и смотрела на меня, открыв рот:

– Диана!!! Зачем? Почему? – она не могла подобрать слов, – какого черта ты столько терпела этого козла? Почему раньше ничего не рассказывала? Мы бы нашли способ помочь, вызволить тебя из этого ада. Почему?

– Я его очень любила. Так любила, что была слепа, одурманена страстью, желанием быть рядом...

В коридоре раздался грохот. Мы синхронно вскочили с места и прислушались, испуганно переглядываясь между собой. Сразу вспомнились детские игры, когда оставшись одни, прятались в комнате под кроватью. Казалось, что в доме кто-то есть. Кто-то ходит, двигает предметы, смотрит в спину. В общем, обычные детские страхи. Мы даже рисовали тайные амулеты, для защиты от темных сил. Один из них, кстати, так и лежал под стеклом на письменном столе.

И вот сейчас две великовозрастные кобылки испуганно переглядывались, боясь произнести и звук. Детский сад, иначе и не скажешь.

Потом на цыпочках подкрались к двери. Еще немного постояли, прислушиваясь, напрягая изо всех сил барабанные перепонки. Даже в голове зашумело от напряжения.

Первой набралась смелости и сделала шаг в неизвестность Арина. Вытягивая шею, выглянула в коридор, пытаясь понять, что случилось.

Я боязливо жалась сзади:

– Риш, ну что там?! – шепчу онемевшими губами.

– Тьфу, ты, – с досадой всплеснула руками сестра, – картина со стены упала!

Облегченно переглянувшись, прошли вперед, к месту катастрофы. Старая рамка треснула, раскололась, стекло разлетелось осколками по коридору, а само полотно "туман над рекой" уныло лежало на полу.

– Никогда не любила эту бездарную мазню, – Арина равнодушно пожала плечами, – Ее давно выкинуть пора, а теперь и повод есть. Хорошо, что разбилась.

– А, мне она нравилась, – подняла пожелтевшее от времени полотно, бережно проведя по нему ладонью, – мне всегда казалось, что она живая, что туман действительно клубится над водой.

– Ди, ты – мечтательница, – усмехнулась Риша, бодро направляясь к лестнице, – надо осколки убрать. Сейчас я все подмету, и пойдем завтракать. Ты, наверное, жутко голодная с дороги?

– Есть маленько, – отрицать очевидное не имело смысла, я действительно была голодна так, будто целый год ничего не ела.

До самого обеда мы пробыли дома, рассказывая друг другу последние новости. Я делилась секретами гламурной московской жизни, а Риша с упоением поведала, что творится дома.

Сестра работала в маленьком салоне, мастером по маникюру и была счастлива. Работа ее мечты, иначе и не скажешь. Она всегда хотела заниматься именно этим. Несколько раз в месяц снималась для местной рекламы, демонстрируя шедевры швейного производства. Так что у Ариши все было отлично, она занималась именно тем, чем хотела и получала от этого неподдельное удовольствие.

А еще у нее был парень. Андрей. И судя по тому, как горели у сестры глазки, когда она торопливо о нем рассказывала, все у них было хорошо.

Слушая увлеченный щебет, я только искренне порадовалась за нее. Хорошие парни нынче редкость, пусть хоть сестре повезет, и она встретит своего принца. Пусть без белых коней и лимузинов, главное чтобы любил ее, а она его и все были счастливы.

Это превеликое счастье, если на жизненном пути встречаешь своего человека. По-настоящему своего, на которого можешь положиться, который никогда не предаст. Который не попытается превратить тебя в молчаливую забитую игрушку, боящуюся поднять взгляд.

Они, конечно, еще совсем молоды, горячи, в какой-то степени безрассудны, и возможно их "вместе и навсегда" продлится совсем не так долго, как им кажется. Но пока они счастливы, горят, готовы друг ради друга на все. Это безумно приятно. Я помню. У нас Вадимом были прекрасные моменты в самом начале. Хотя вру. Там все было прекрасно, а не отдельные моменты, только, к сожалению, сказка быстро и незаметно для меня закончилась, превратившись в липкий кошмар и оставив после себя лишь горечь разбитых надежд.

После завтрака поднимаюсь к себе в комнату и начинаю наводить порядок. Хотя там и так чисто, убрано. Арина всегда поддерживала ее в отличном состоянии, если вдруг непутевая сестра-покорительница больших городов, решит наведаться домой.

Распахнув чуть поскрипывающую дверцу шкафа, обнаруживаю свой скудный старый гардероб. Вещи больше спортивного, подросткового стиля, от которого за последние годы окончательно ушла.

С печальным вздохом начинаю перемеривать наряды. Выбора-то все равно нет, как и денег на обновление гардероба. Вся моя одежда осталась там, в Москве, в квартире, в которую я никогда не вернусь, даже если останусь полностью голая, без средств к существованию.

Джинсики, майки, юбочки на полпопы.

Из зеркала на меня смотрела молодая девчонка. Забитый взгляд, бывший в последнее время моим неизменным атрибутом, исчез, словно его и никогда не было, на губах играла пока еще робкая, но все-таки улыбка.

Оживаю, стремительно, безудержно. Память лихорадочно выталкивает зловонный мусор, избавляется от неприятных воспоминаний, очищается, обновляется. Атмосфера родного дома для меня поистине целительна. Оживаю. И мне хочется жить, расправив крылья.

Застилаю постель чистым белоснежным бельем, распахиваю окна, впуская свежий воздух. Дышу полной грудью, искренне веря, что теперь все будет хорошо.

Я дома!

После обеда Арина предлагает прогуляться, сходить в город, посидеть где-нибудь. У меня аж слезы на глаза наворачиваются. Сходить, посидеть где-нибудь! Боже, как давно я этого не делала! Я уже забыла как это, когда идешь с подружками, общаешься, беззаботно смеешься.

Зачем я столько лет терпела Вадима? Зачем? Ведь любовь угасла давным-давно. Надо было уходить, как только зазвучали первые тревожные колокольчики.

Надо было, но не ушла. Позволила сломать свою жизнь, разрушить свою мечту. Дурочка. Какая же я дурочка.

Проблемы с одеждой, казавшиеся непреодолимыми, решились в одночасье. Наши родители точно были ювелирами, делая нас с сестрой, словно под копирку. Мы с Ришей одинаковые и по фигуре, и по росту. Поэтому Арина, не смотря на мои причитания и попытки отказаться, нарядила меня в свое платье, свои туфли, сказав, чтобы не стеснялась и спрашивала, если что-то понадобится. Было неудобно, стыдно, за то, что младшая сестра меня одевает. Это я, москвичка недоделанная, должна была деньги зарабатывать, и помогать своей семье, а в результате вон как оно все сложилось...

И вот мы готовы к выходу в свет.

Крутимся возле высокого, во весь рост зеркала в прихожей, кривляемся, веселимся.

Две красивые, счастливые девочки. Действительно счастливые, без всяких "но", без всяких сомнений.

Аринка выскакивает на улицу первая, а я немного задерживаюсь, чтобы еще раз оценить свой внешний вид. Так непривычно видеть себя в коротком ярком платье, открывающим ноги, на высоких каблуках.

Красивая.

Приближаю лицо чуть ближе к зеркалу, проводя пальцами по ресницам, и мне кажется, будто за моей спиной белой змейкой скользит легкая дымка.

Что за...

Оборачиваюсь, пытаюсь понять, откуда у нас в доме дым.

Присматриваюсь, принохиваюсь. Вроде нет ничего. На всякий пожарный торопливо иду на кухню, проверяю все ли в порядке.

Все хорошо, плита выключена.

Привиделось что ли?

С сомнением еще раз осматриваюсь и, не найдя ничего подозрительного, рассеяно жму плечами. Точно привиделось.

Вернувшись в прихожую, снова бросаю мимолетный взгляд на свое непривычно яркое, солнечное отражение, удовлетворенно киваю и направляюсь к выходу. В дверях, словно что-то останавливает, тревожит, доставляя внутренний дискомфорт. Не могу понять, в чем дело, будто тянет что-то, мешает выйти, удерживает.

Еще раз оборачиваюсь, растерянным взглядом скользя по сторонам.

Все хорошо.

Почему-то в горле пересохло, и между лопаток маленькими иголочками пробежал холод. Нервно поправив волосы, все-таки выхожу на улицу, по-прежнему чувствуя внутри тягучую тревогу.

Арина нетерпеливо перетаптывается у крыльца:

– Ди! Где ты застряла? – недовольно ворчит сестра.

– Не знаю, мне что-то показалось, поэтому лишний раз проверила, все ли мы выключили.

– Ах, ты моя, курочка наседка! – усмехается сестренка, – все мы выключили, все убрали!

Расслабься!

И я расслабляюсь, сбегая по ступенькам, бодро цокая каблучками, и, в очередной раз обняв Аришу, направляюсь с ней под ручку к калитке.

Мы с сестрой сидим в кафешке на центральной площади города, удобно устроившись за одним из уличных столиков, под широким, разноцветным зонтиком.

Она пьет кофе со своими любимыми пирожными, а я заказала мороженое. Все как в детстве. Растем, взрослеем, а маленькие привычки остаются все такими же, и от этого в душе опять становится тепло.

– Дианка, чем теперь собираешься заниматься? – интересуется Риша, шамкая, с набитым ртом.

– Работу искать надо, – чуть слышно вздыхаю, снова почувствовав прилив сожалений. У меня была работа мечты, и я ее упустила, выбрав не того человека. Теперь придется начинать все заново, с нуля, – попробую податься в местную газету. Если не получится – буду искать другие варианты.

– Какие? – не унимается она, и я не знаю, что ответить, потому что пока о других вариантах даже не думала.

– Не знаю, – растеряно жму плечами, ковыряясь в вазочке с мороженым, – менеджером можно попробовать устроиться.

Все внутри противится от такого расклада. Моя мечта – быть репортером, а не сидеть в офисе, перекладывая бумажки.

Неприятно щемит в животе. Что же я не боролась за свою мечту, когда была возможность? Зачем отступила, пошла на поводу у тирана? Зачем добровольно позволила затащить себя в гнилое болото?

На эти вопросы наверное никогда не найду ответа. Это был жестокий экзамен от жизни, и я его провалила, не сумев отстоять свое счастье.

Грустно.

Понимаю, что как бы ни храбрилась, не радовалась возвращению домой, так просто гадкое прошлое не отступит, будет преследовать, напоминая о собственной глупости, слабости. Знаю, что когда эйфория от свободы уляжется, мне придется долго бороться с сожалениями об упущенных возможностях.

Ладно, справлюсь. Тем более выбора все равно нет. Что прошло, того уже не вернуть.

– Слушай, – задумчиво тянет Арина, – помнишь Ленку Семизорову?

– Твою одноклассницу?

– Да-да, ее. Она открыла свое туристическое агентство. Может тебе попробовать к ней податься? Все интереснее, чем торговать. Как ты думаешь?

– Не знаю, – неторопливо почесываю бровь, – никогда не думала в этом направлении.

– Ты подумай, – настоятельно рекомендует сестра, – если что, я Ленке позвоню.

– Спасибо, – благодарю от души. Как же здорово, когда есть на кого положиться!

– Пока еще не за что, – бубнит Арина, снова набив полный рот пирожным.

Чуть позже к нам присоединяется Андрей.

Я с интересом рассматриваю ухажера дорогой Арины.

Высокий, здоровенный, как бизон. Огромные закаченные бицепсы, так и бугрятся при каждом движении. Мощная бычья шея. Я бы, наверное, побоялась завязывать отношения с таким громилой. По мне если мужик здоровенный, мускулистый – значит, сильный. Если сильный – значит, может больно ударить.

Я бы могла даже сказать, что он мне совершенно не понравился, если бы не открытая мальчишечья улыбка и горящий взор, каким он смотрел на мою сестру.

В каждом его жесте, в каждом взгляде сквозила такая нежность и трепетные чувства, что я сдалась, придавливая тот негатив, что зажегся в душе. Он может хоть миллион раз не нравиться мне самой, главное, чтобы сестра была счастлива.

А она была. Смотрела на него в ответ восторженными сияющими глазами, и любой дурак бы понял, что эти двое безумно влюблены друг в друга. Увлечены так, что не замечают никого вокруг.

Глядя на них, испытываю что-то сродни зависти, смешанной с умилением. Белой зависти, светлой и немного грустной. Пусть у них все сложится. Пусть все будет хорошо. Пусть Аришку никогда не постигнет разочарование в любимом мужчине, как это произошло со мной. Пожалуйста!

– Что скажешь, Диана? – внезапный вопрос бесцеремонно выдергивает меня из невеселых раздумий.

– А? Что? – удивленно хлопаю глазами, пытаюсь вникнуть в происходящее.

– Ты где витаешь? – задорно смеется Арина, – Андрей предложил завтра организовать шашлыки. Как ты на это смотришь? Посидим, отдохнем. Можем баньку истопим?

Баньку? О, да! Сто лет не была в бане! Так чтобы жарко, чтобы до самых косточек пробирало! Чтобы потом выскочить в предбанник и жадно пить студеной квас, или наоборот чай с вареньем из крыжовника. Аж зажмурилась, от приятных мыслей. Очень соблазнительное предложение:

– С огромным удовольствием, – отвечаю, снисходительно поглядывая на то, как она радостно хлопает в ладоши. В этот момент, на ее фоне ощущаю себя старой, умудренной опытом женщиной, не смотря на то, что между нами разница всего в год.

Глава 2

Легкий ветерок чуть заметно играл занавесками, непонятно чем вызывая приступ детского умиления.

Я лежала в своей кровати, не спеша подниматься. Хотелось просто смотреть на лучики солнца, скользящие по стене, слушать шелест листвы и нежные птичьи трели.

Сегодня была прекрасная ночь, без кошмаров, без слез, без постоянного ощущения тревоги. Я просто спала, погружившись в непонятные сновидения, вяло перетекающие из одного в другое. И за всю ночь в них ни разу не промелькнул ненавистный образ Вадима.

На часах семь утра. Я привыкла просыпаться рано, потому что надо было бежать на кухню, готовить свежий завтрак, провожать "любимого" на работу, и сегодня проснулась ни свет, ни заря, впервые за много дней позволив себе просто валяться в уютной постели, наслаждаться тишиной и спокойствием.

В дверь тихонько поскреблись. Осторожно, еле слышно. Сестра скромничает, проверяет, сплю или нет.

– Да, – отвечаю хриплым, сонным голосом.

Тишина.

– Арин, заходи.

Опять тишина. Похоже, она так и не услышала моего ответа. Поднимаюсь на ноги и, потягиваясь на ходу, направляюсь к двери.

В коридоре никого, а снизу, с кухни доносятся какие-то звуки. Быстрая она. На крыльях что ли летела?

Не торопясь, спускаюсь по лестнице, скользя кончиками пальцев по гладким перилам, и сладко зевая.

Аринка колдует у плиты, пританцовывая под музыку, льющуюся из динамиков маленького радиоприемника, примостившегося на краю подоконника.

– С добрым утром, – приветливо улыбается сестра, заметив мое появление.

– С добрым. Ты чего так рано вскочила?

– У меня клиентка внезапно нарисовалась. Представляешь, в час ночи прислала слезную СМСку, умоляя принять ее с самого утра. Так что сейчас позавтракаю и побегу в салон. Найдешь чем себя занять?

– Попробую, – неопределенно веду плечами, чувствую легкую тревогу, но тут же одергиваю себя. Не может же она все время сидеть рядом с моей юбкой, и сопلي подтирать? Поэтому отвечаю уже уверенным, твердым голосом, – конечно, найду, не переживай. Ты на долго?

Она на секунду задумывается, потом выдает:

– Последняя клиентка назначена на час, так что к трем буду дома. Да, кстати, Андрей днем в перерыв заедет – мясо привезет, продукты, и все, что нужно для шашлыков. Самое главное, мясо заberi, и в холодильник положи, чтобы на такой жар не испортилось. Я как вернусь – замариную его по своему фирменному рецепту. Пока Андрея ждем – баньку натопим. Чтобы к его приходу все было готово.

– Как здорово! – растекаюсь в блаженной улыбке, предвкушая хороший, вкусный вечер. – Я уже забыла и вкус шашлыков, и что такое посиделки на природе, а уж про баньку вообще молчу.

– Ничего, дорогая моя, вспомнишь! Я тебя мигом в порядок приведу. Будешь как новенькая! И мужика тебе нормального найдем!

– Ой, вот мужика мне точно пока не надо, – выставляю в знак протеста перед собой руки, – я только от кабалы избавилась, хочу отдохнуть. Так что нет, нет и еще раз нет!

– Без проблем! – соглашается она, – не надо, значит не надо. Главное, чтобы тебе хорошо было. Отдыхай, наслаждайся.

– Спасибо, Ариш.

– Со мной будешь завтракать? – Арина выжидающе смотрит в мою сторону, – только у меня все просто. Ты же знаешь, по утрам изыски не люблю. Яичница, кофе, вот, собственно говоря, и все.

– Идеальный завтрак, – улыбаюсь ей и начинаю помогать. Достая кружки, тарелки, жарю яйца, пока сестра варит ароматнейший кофе. И мне кажется, лучше нее этого не делает никто на свете. У нее какие-то свои маленькие секретчики: типа помешать десять раз по часовой стрелке, двадцать против. Я, конечно, утрирую, но кофе у нее действительно бесподобный. Ни в одной кофейне такого не найдешь.

После завтрака она торопливо собирается и убегает на любимую работу, а я остаюсь дома. Одна.

Стою в растерянности посреди большой гостиной и не знаю чем себя занять. Странное ощущение беспомощности, будто я не при делах. Лишняя. И одолевает гадкое чувство, будто прогуливаю, пропускаю свои прямые обязанности. Эх, он меня и выдрессировал, на подкорке выжег свои правила.

Слышу, как пиликает телефон и, печально опустив голову, бреду за ним на кухню.

СМСка. От Арины.

"Твоя сестра – самая ленивая жопа на свете! Последний раз пылесосила неделю назад... или две. Так что если заскучаешь – можешь заняться уборкой."

Невольно смеюсь в голос. Аринка, солнышко мое, знает, когда надо поддержать.

Мысли о предстоящей уборке тут же взбодрили.

Два этажа – убирайся, сколько влезет. До вечера работы хватит.

И я начинаю.

Первым делом собираю по всему дому половики, паласы, ковры. Их не так много, но сил они отнимают порядочно.

Особенно процесс их выноса на улицу. Почему-то каждый раз, как я пыталась переступить через порог входной двери, обязательно что-то случалось. То я спотыкалась, то из рук все валилось, то ковер, свернутый в трубу наотрез отказывался проходить в дверной проем, и приходилось его проталкивать силой.

Измучилась вся.

Даже когда просто взяла выбивалку, умудрилась, больно стукнуться локтем об косяк. Сплошные напасти.

Наконец, все вытащила, выбила и разложила на солнышке, чтобы хорошенько прожарить.

Сама вернулась в дом. Меня обуревало такое деловое настроение, что в руках все буквально горело.

Вымыла пол на втором этаже, отдраила лестницу, потом спустилась вниз и там тоже все помыла.

Под конец просто не было сил разогнуться.

Некоторое время посидела на блестящем, чистом полу и, сдувая с лица пряди, выбившиеся из хвоста, осматривалась по сторонам, наслаждаясь результатами своей работы. Красота! Обожаю, когда дома чистота!

Потом с криком поднимаюсь на ноги, чувствуя, что спина просто одеревенела, болезненный спазм проходит вдоль хребта, отдавая куда-то под лопатку и поясницу. Ойкая, держась за спину и согнувшись в три погибели, как старая бабка, ковыляю в сторону кухни. Чертовски хочется пить.

Прильнув губами к стакану, жадно пью, большими глотками, мысленно пытаюсь решить, что делать дальше. Может, постирать? Или шторы поменять?

По ногам бьет поток воздуха, будто кто-то прошел мимо.

В полнейшем недоумении оглядываюсь. Сквозняк?

У меня все окна нараспашку, но этот порыв воздуха, был странным, живым.

Осторожно возвращаюсь в коридор. Прислушиваюсь к тишине дома.

– Арин? – зачем-то зову сестру, прекрасно зная, что дома ее нет.

Тихо.

Прохожу мимо оставленного в коридоре ведра, с грязной тряпкой. Заглядываю в гостиную. Никого.

Тревога не проходит, особенно когда краем глаза улавливаю чуть заметное движение.

Резко обернувшись, вижу пеструю легкую штору, плавно колышущуюся на ветру.

Блин, так и параноиком можно стать!

Надо витамины купить для успокоения нервов, капельки какие-нибудь.

Только облегченно выдыхаю, как раздается громкий стук в дверь. Резкий, пугающий.

Не сдержав эмоции, вскрикиваю, и тут же зажимаю рот рукой.

Да, что же это такое?!

На дрожащих ногах иду к двери:

– Кто? – шепотом, чуть слышно.

Снова стук в дверь, от которого подпрыгиваю на месте, и сердце уходит в пятки.

– Кто? – громче и требовательнее.

Мне никто не отвечает. Тогда набрав полную грудь воздуха, чуть ли не кричу:

– Кто там???

– Андрей! – раздается приглушенный ответ, еле различимый из-за массивной двери.

Твою дивизию! Я и забыла о нем.

Торопливо отпираю замки и распахиваю перед ним дверь.

На пороге стоит парень сестры, с трудом удерживая в охапке несколько огромных пакетов. Прижимая их не только руками, но и подбородком.

– Привет, – бубнит, пытаюсь удержать эту гору добра.

– Проходи скорее, – распахиваю дверь еще шире, подвигаюсь в сторону, чтобы не загромождать ему дорогу.

Он протискивается мимо меня, чуть не растеряв все пакеты, слышу, как матерится, бурчит под нос. Наступая себе на пятки, скидывает кроссовки и проходит на кухню.

Я тихонько иду следом, чувствуя себя не в своей тарелке наедине с ним. Похоже, после Вадима у меня на подкорке отпечаталось, что мужикам доверять нельзя. Лучше самой, одной, но в безопасности.

Замираю в дверях, наблюдая за тем, как он торопливо выкладывает на стол содержимое пакетов.

На загривке волосы шевелятся, будто от чужого дыхания. Нервно сглатываю, переступая с ноги на ногу. Трусиха. Запуганная трусиха! Вот кто я на самом деле!

Собрав волю в кулак, подхожу к нему ближе, выдавливая скованную улыбку:

– Может помочь?

– Не-не, я сам. Заодно проверяю, все ли взял, – беспечно отмахивается он, даже не глядя в мою сторону, – ты главное в холодильник все запихай, чтобы не испортилось. Аришка придет, мясо замаринует. У нее очень здорово получается.

Именно теплота в голосе по отношению к сестре в конечном итоге и подкупает. Успокаиваюсь, перешагиваю через свои страхи и начинаю все убирать, обсуждая с ним сегодняшний вечер.

– Я сейчас убегаю, перерыв почти закончился, – рассказывает он, – Вечером работаю до пяти, потом сразу к вам. До меня ничего не жарьте, я сам! Понятно?

– Понятно, – с удовольствием соглашаюсь. Похоже, сегодня я буду халявить: Арина все замаринует, Андрей пожарит. Мне остается только есть.

Ладно, потом посуду перемою, чтобы лентяжкой не прослыть.

– Слушай, почему на улице лето, а у вас такая холодрыга? – его аж передергивает несколько раз подряд.

– Холодрыга? – удивленно смотрю на парня, – что-то не заметила. Хотя я вся в мыле, убираюсь.

– Я тебе точно говорю, у вас холодно, – убежденно кивает, сворачивая пакет, и по-хозяйски убирает его в один из ящичков. Похоже, он здесь частый гость, раз прекрасно знает, где, что лежит.

Я действительно ничего не чувствую, у меня наоборот от домашних дел вся спина взмокла. Окна прикрыть надо, а то, чего доброго, окончательно продует и завтра вообще встать не смогу.

Мы с ним совместными усилиями все запикиваем в холодильник, после чего прощаемся, и он бегом выскакивает из дома, боясь опоздать на работу, а я возвращаюсь в коридор к грязной воде и половой тряпке.

Бодро нагибаюсь к ведру и громко охаю, когда боль простреливает до самых пяток. Черт, бедная моя спина! Видать, серьезно что-то потянула.

Кое-как заканчиваю уборку, со слезами на глазах затаскиваю обратно ковры, расстилаю их, ползая на коленях по полу. После чего устало растягиваюсь на диване в гостиной.

Молодец, дорвалась до уборки! Да так, что спину сорвала!

Если бы не этот прискорбный факт, то вообще все замечательно было бы.

Не меньше часа ищу иголки – нашитые на льняную тряпицу пластиковые колючие кружки. Расстилаю на полу, и укладываюсь поверх них поясницей.

Кожу сначала колет, потом жжет, а потом разливается блаженное тепло. в результате становится легче, но не на много.

Одна надежда на баньку. Прогреться хорошенько, глядишь, и полегчает.

Ариша приходит без пятнадцати три, и мы начинаем подготовку. Режем мясо на кусочки, складывая их в большую емкость.

Потом сестра что-то колдует. Добавляет лук, специи – перец горошком, лавровый лист, заливает красным сухим вином. По кухне плывут соблазнительные ароматы, от которых громко урчит в животе, и рот наполняется слюнями. Я готова съесть это мясо прямо сейчас, сырым.

Скорее бы вечер!

Я тоже без дела не стою. Режу овощи, готовлю соус, добавляя чеснок и кинзу в баночку покупного Краснодарского.

Попутно мы с ней допиваем бутылку вина, того самого, которое использовали для маринования. Веселые, довольные, так увлекаемся процессом, что я даже не могу вспомнить момент, когда умудрилась испачкать футболку, посадив несколько красных, жирных пятен.

Пока я бегаю наверх, чтобы сменить испачканную одежду, сестра заканчивает приготовления, громко напевая популярную песню. Фальшивит жутко, но старается от души.

Спустившись по лестнице, вижу, как она проходит из кухни в гостиную, и торопливо бегу за ней:

– Ариш!

Она в мою сторону даже не оборачивается, исчезает за поворотом. Опять в наушниках что ли?

Вывернув из-за угла, замираю... потому что в комнате пусто. Удивленно хлопаю глазами и зову еще раз:

– Арина?

– Ди, ты чего шумишь? – внезапно раздается голос сзади, заставляя испуганно подскочить на месте.

– Ты... Как? – мямлю, не в силах подобрать слова, глядя то на нее, то на пустую комнату, – я же за тобой шла?

– У-у-у-у, родная моя, винишко-то похоже на голодный желудок не стоило пить, – смеется она и демонстрирует перемазанные руки, – я вообще-то мясо перемешиваю. Идем, поможешь.

И я послушно семеню следом, думая о том, что действительно надо было что-то съесть, перед тем, как употреблять спиртное.

Закончив подготовку к шашлыкам, до невозможности довольные своей работой, идем в баню. Как обычно спотыкаюсь на пороге. Просто несчастливое место! Словно дом против того, что бы я куда-то выходила!

Потирая ушибленную коленку, спускаюсь по ступенькам с крылечка и поспешно иду за сестрой. Мне жуть как интересно посмотреть на новую баню.

Она состоит из двух частей: огромного предбанника, в котором расположился диван, старый стол, пара стульев и невесть откуда взявшаяся медицинская кушетка, и непосредственно банного отсека: мойки и парилки. Помывочная, обшитая светлым деревом была до невозможности уютной: с лавочками, овальной купелью, деревянными шайками, душем в самом углу, целой коллекцией мочалок и сотней разноцветных баночек с шампунями, бальзамами, скрабами, обертываниями, лосьонами. Сестра с энтузиазмом подходит к банному делу.

А такой в этом помещении стоял запах! Кто хотя бы раз его чувствовал – никогда не забудет. Дерево и ароматные веники! Восхитительно!

В парилку зашла с опаской. Как-то напряг меня темный котел стоящий в углу, особенно после слов сестры:

– Эх, сейчас я как натоплю! До костей проберет! Держись, Диана, живой тебя не отпущу, – смеется она, а я уже как-то тоскливо поглядываю в сторону выхода.

Аринка, как заправская хозяйка начала топить баню, а я только прыгала рядом, пытаюсь запомнить, что и как делать, и сгорая от предвкушения.

Андрей, как и обещал, пришел после пяти:

– Ну, что девоньки? Отдыхаем? – бодро потирая руки, произнес этот верзила.

– Отдыхаем, – радостно завопили мы и бросились в дом за продуктами.

Пока сустились, накрывая на стол в беседке, Андрей высыпал угли в мангал, разжег их. За то время, что они прогорали, быстро, практически профессионально нанизывал мясо на шампуры, а потом приступил к жарке.

Мы с Аринкой только ходили рядом с ним и облизывались, косясь на румяное мясо, и глотая слюни от невообразимо аппетитного аромата. Я сейчас с ума сойду, если не попробую! Риша тоже приплясывает от нетерпения, и каждую минуту спрашивает: уже готово? Уже можно? Ну а теперь готово? Все, да?

Андрюха только посмеивался, глядя на двух нетерпеливых барышень, принюхивающихся и облизывающихся, как голодные лисицы.

– Первая партия готова! – наконец сообщает наш шеф-повар бугай, и мы не можем сдерживать радостных воплей.

Беру себе один шампур, и кусаю зажаренное мясо. Под хрустящей корочкой нежная сочная мякоть. Горячо, так что приходится махать ладошкой себе в рот, но так вкусно, что готова заглотать все сразу. Мурлыкаю, от удовольствия прикрыв глаза. Блаженство, просто блаженство. Это самые вкусные шашлыки, которые когда-либо ела! Ришин маринад и прожарка от Андрея – просто умопомрачительное сочетание. Блин, да они просто идеальная пара, если могут такое сотворить! Сейчас я в этом точно уверена. Даже если он мне сначала не очень понравился, теперь могу простить ему все, что угодно! Он просто бог шашлыков!

Окунаю один кусочек в соус, и отправляю в рот. Это просто вкусовой оргазм! Непередаваемо. По подбородку течет вкусный сок, и я, чувствуя себя последним поросенком, тянусь за салфеткой. Рядом со мной сидит такая же чумазая, блаженно похрюкивающая сестра.

Смотрим друг на друга с набитыми щеками, а потом начинаем дружно смеяться.

Вытираю лицо, облизываю пальцы. Знаю, что некрасиво, но как же вкусно!

Внезапно, ни с того ни с сего, как черным цунами накрывает непонятная тревога. Опять. Который раз за сегодня. Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, в чем дело.

Вокруг тихо, спокойно, я в хорошей компании, но откуда берется это неприятное ощущение, когда на тебя смотрят? Неотрывно, прожигают спину тяжелым взглядом?

Медленно выдыхаю, пытаюсь не подать вида, что меня что-то тревожит. Кое-как справляюсь с паникой, успокаиваюсь.

Господи, сколько же времени меня будут преследовать призраки прошлого? Как долго мне придется жить, и видеть в каждом углу тень Вадима? Чувствовать на себе жестокий взгляд, пробирающий до самых костей?

– Все больше не могу, – с писком выскакиваю из парилки, напоследок получая по задку веником, – у меня волосы в трубочку скрутились от жара.

Арина смеясь, бежит следом за мной в помывочную. Садистка! Так меня отхлестала, что места живого нет!

Окачиваюсь из шайки, отрываю прилипший к заднице березовый листик и забираюсь в купель, с головой уходя в прохладную воду. Мне кажется, тело даже зашипело, как мясо на сковороде.

– Ди, ты – слабачка! Совсем разнежилась со своими столицами, – ржет сестра, когда вынырываю на поверхность, откидывая назад волосы, – я всего-то пару минут тебя нежно пошлепала, самыми кончиками.

– Кончиками? – ворчу, выбираясь и присаживаясь на деревянную лавочку, – давай я тебя так "нежно пошлепаю"?

– Не-а! Ты не умеешь! Меня сейчас Андрей парить будет. Вот где места живого не остается! Зато потом такое блаженство, будто заново родилась! Хочешь попробовать?

– Нет уж, спасибо, – снова ворчу, отмахиваясь от нее, – я тебя-то еле пережила, а с ним вообще откинусь.

– А что? Скончаться на банной лавке, под березовым веничком, по-моему, не такая плохая смерть? – подмигивает она.

– Да, ну тебя!

Моюсь, еще раз окачиваюсь прохладной водой. Потом натягиваю на себя купальник. Хоть там всего три ниточки, два пятачка, но с ним надежнее, спокойнее. Не то чтобы я скромница, просто это Арина не стесняется своего ненаглядного, а мне-то он совершенно чужой человек. Затем обматываю вокруг груди банное полотенце и выхожу в комнату отдыха.

Андрей, развалившись на диване, читает газету, потягивая пиво. При виде запотевшего ледяного стакана у меня аж душа трепещет.

– Ты все что ли? – парень удивленно смотрит в мою сторону.

– Да, – наливаю себе холодного пенного напитка и делаю несколько больших глотков, – с меня хватит.

– Быстро ты, – хмыкает, поднимаясь на ноги.

– Мне много и не надо, – жму плечами, – а вот Арина ждет тебя с превеликим удовольствием и готова к адским пыткам.

Андрей направляется к сестре, оставив меня в предбаннике в гордом одиночестве.

Опускаюсь на диван, блаженно прикрыв глаза. Действительно, как заново родилась.

Спустя пару минут из парной доносятся дикие вопли и смех. Похоже, Арина получила свою вожделенную порцию веников и погорячее.

Надеюсь, они там не решат воспользоваться ситуацией и предаться разврату? А то я заскучаю.

Хотя на такой жаре вряд ли сил хватит на что-то выдающееся.

Прикрыв глаза медитирую, прислушиваясь к собственным ощущениям. До чего же хорошо! Сытая, распаренная, счастливая до невозможности.

Спустя пятнадцать минут появляется сестра. Красная, как вареный рак, с шальным блеском в глазах. Жадно пьет и плюхается рядом со мной.

– Кайф, – измороено тянет, отдуваясь и обмахиваясь краем длинной простыни, – вот это я понимаю отдых.

Не могу с ней не согласиться. Во всем теле такая блаженная слабость, что нет сил шевелиться. Вяло переговариваемся на отвлеченные темы, а спустя еще десять минут к нам присоединяется Андрей.

– Ну что? – спрашивает, подмигивая, – напарились?

– Угу.

– Ага, – нестройный ответ девичьих голосов.

– Посидим и еще заходик сделаем?

– С удовольствием, – радостно соглашается Арина.

– Ни за что! – так же радостно ворчу я.

Конечно, мое ворчание эффекта не имело. Спустя некоторое время, меня снова затащили в самое пекло, и как следует, безжалостно отходили распаренными вениками от макушки до пяток. Аринка, как заправская банщица, так надо мной глумилась, что я вопила, требуя, чтобы меня выпустили.

Конечно в шутку, со смехом, но вопила. Особенно когда она плеснула ковшик водички на раскаленные камни, и все вокруг скрылось в клубах пара.

На улице уже темно, и сквозь приоткрытую дверь доносятся мелодичные трели цикад, когда мы в очередной раз выбираемся в прохладный предбанник.

– Эх, сейчас бы с разбегу и в снег, – мечтательно протянула сестра, растягиваясь на кушетке, – что скажешь, Диан?

– Нет, спасибо. Я только спину распарила и двигаться нормально начала. Так что обойдусь и без снега, и без ледяной воды, и без любого другого крио-экстрима.

– Тебе нужен массаж! – убежденно произнесла Арина, плотнее запахивая полы простыни, норовящие свалиться с ее тела.

– Где бы его ещё взять, на ночь глядя? Не помнешь спинку любимой сестре? – иронично интересуюсь у нее.

– Я не умею, – сестра встрепенулась, – сейчас Андрея попросим!

– Не надо, – пытаюсь остановить ее порыв.

– Надо! Пока распаренная, эффект заметнее будет! – убежденно выдает она, и громко зовет, – Андрей!

Он появился в предбаннике спустя пару минут.

– Дианка спину потянула. Разомнешь?

От мыслей, что меня будет мять посторонний человек, чувствую себя неудобно, неуверенно. Мне совсем этого не хочется, и я искренне надеюсь, что он сейчас откажется, но бугай лишь равнодушно пожал плечами:

– Легко. Только при одном условии. Ты не будешь орать, как кое-кто, – с усмешкой покосился в сторону Арины, – что я садист и костоправ.

– Очень смешно! – фыркает сестрица, соскакивая с тихо скрипнувшей кушетки, – Ты мне тогда чуть хребет не сломал!

– Ну, ведь не сломал!

– Но, пытался! – не сдавалась Арина, тихонько толкнув его в бок.

– Ребят, может ну его, – с сомнением шепчу, наблюдая за их бодрым спором, – само пройдет. Еще разок попаримся, и как новая буду.

– Ложись, давай, трусиха, – хихикнула сестрица, подталкивая в сторону кушетки, – вечер пыток продолжается.

– Хорошая ты! – ворчу, с сомнением поглядывая на ручки Андрея, которыми, казалось, можно подковы разгибать, да деревья ломать. Осторожно присела на край, а потом, охая и морщась от боли, легла на живот.

Арина без умолку болтала, а Чернов приступил к массажу. Грубоватые руки разминали спину, сквозь пушистое белое полотенце. Сначала на удивление мягко, а потом всё сильнее надавливая. Спустя некоторое время зажмурилась, закусив губу:

– Ой-ой-ешеньки! – чуть ли не во весь голос заорала, когда надавил особенно сильно.

– Терпи, – цыкнул на меня Андрей, – потом легче будет.

– Не могу, – как маленькая застучала ногами по кушетке.

– Можешь.

– Диана, ну ты и неженка... – смеется сестра.

Тусклая лампочка, освещающая предбанник тихонько заморгала, а потом и вовсе потухла. Все трое замерли, удивленно переглядываясь и прислушиваясь. Снаружи стояла такая тишина, что хоть ножом режь. Даже кузнечики замолчали.

Порыв холодного ветра по коже, и свет снова загорелся, гораздо слабее, чем до этого. Бледный, тускло-желтый.

– Что за... начала было в полумраке Арина

Резкий удар, распахнувшейся двери об стену, заставляет нас вздрогнуть.

Я попыталась вскочить, но Андрей, будто окаменев, удержал в лежачем состоянии, придавив крупными ладонями к кушетке:

– Сквозняк, – лениво констатировал он.

– Твою мать! – нервно хихикает сестра, – я чуть не завопила от страха! Пойду, проверю, все ли окна в доме закрыты, такой ветрище сейчас грозу принесет.

Она порывисто вскочила на ноги, и, натянув босоножки, бодрой ланью метнулась к выходу, на ходу отдавая распоряжение:

– Ты мне ее тут не сломай!

– Хм, как получится, – странным голосом произнес Андрей.

Вскочив на улицу, сестра захлопнула за собой дверь, оставив нас в неприятном полумраке.

На интуитивном уровне почувствовала, что атмосфера в помещении изменилась. Стало темнее, холоднее, неуютнее. Внутри росла тревога, перерастающая в страх перед чем-то непонятным.

Лампочка под потолком ритмично раскачивались из стороны в сторону, тусклыми желтоватыми бликами скользя по стенам.

– Андрей, пожалуй, на сегодня хватит, – произнесла наигранно бодро, но ответа не последовало.

– Андрей?

– Мы только начали, – его голос стал другим.

Другие интонации, другой тон. Все другое, чужое.

Попыталась встать, но он снова не позволил, придавливая к кушетке.

Потянул край полотенца, спуская его до самых бедер.

– Ты что творишь? – громко с нотками паники, безуспешно пытаюсь подняться.

Мужская ладонь уверенно легла на обнаженную спину, и вдоль позвоночника словно огненная волна пробежала, отдаваясь неожиданной истомой в груди. Задохнувшись, от внезапных ощущений затихла, испуганными глазами уставившись на стену перед собой.

Обе руки медленно заскользили по спине, уже не надавливая, а просто гладя. И каждое прикосновение как электрический разряд, заставляющий жмуриться и дрожать от восторга, рождающихся внутри.

Ловкие пальцы подхватили завязочки на купальнике, легко развязав узел.

– Зачем... что ты делаешь? – снова дернулась.

– Тс-с-с-с, – новые бархатистые нотки перекачивались в голосе, заставляя выгибаться и замирать.

Сильные руки плавно двигались по спине, чуть спускаясь по ребрам, задевая основание груди. Закипающая кровь, пульсируя, устремляется к низу живота.

"Это же парень сестры!" – пронеслось в голове.

Арина может зайти в любой момент... И не известно чего было больше от этой мысли: стыда или раздражения.

Руки спустились ниже, скользнув по гибкой талии, смяли ягодицы.

– Хватит! – выдохнула, сходя с ума от прикосновений, – Андрей...

Так нельзя! Это неправильно. Это плохо!

Хотела остановить его, но не могла, голос срывался, не слушался. Почувствовала, как полотенце стаскивают с бедер, и попка в невесомых стрингах, остаётся совершенно неприкрытой.

Тот час ощущает прикосновение к мягким полушариям. Гладит их, мнет, заставляя томно прикрывать глаза, прогибаться. Учатившееся дыхание, сладкое, почти болезненное томление между ног.

Мозг будто отключается, уступая место животным инстинктам. Воображение рисует непристойные картины того, что сейчас может произойти, и из груди вырывается тихий стон.

Легко переворачивает на спину, тут же перехватывая руки, которыми пытаюсь прикрыть обнаженную грудь.

– Не надо, – в голосе холодный приказ, от которого замираю, растеряв остатки воли. В полутьме не разобрать выражение его лица, но чувство, будто передо мной совершенно незнакомый человек.

Гладит живот, поднимается выше, одной рукой сминая грудь. Вскрикиваю от прострелившего до кончиков пальцев удовольствия. Спина сама выгибается навстречу ему, хочется, чтобы вместо рук, обхватил горячими губами, целовал, покусывал.

Распутная.

Дыхания не хватает, женская сущность беснуется, рвется к нему, не думая ни о чем. Скопив глаза в его сторону, скольжу взглядом по темной дорожке волос от пупка, уходящей вниз, прячась под тканью. Вижу внушительный бугор, выпирающий из-под белого полотенца, низко висящего на бедрах. Внутренности сводит от дикого желания, сдернуть его, сомкнуть ладонь на возбуждённом члене, и медленно двигать вверх– вниз, а ещё лучше опуститься на колени, пройти языком по всей длине, чувствуя каждую пульсирующую вену, обхватить губами налитую кровью головку, почувствовав ее вкус.

Зажмурилась, пытаюсь бороться с наваждением.

Что я делаю? Это парень сестры. Она его любит! Почему не останавливаю, продолжая млеть от интимных прикосновений.

"Хватит!" – кричу сама себе, и, не смотря на то, что тело изнывает, хочет большего, решаю прекратить это безумие.

Теплая рука ныряет под ткань трусиков, накрывая промежность. Охаю, когда внутрь бесцеремонно проникают сразу два пальца, непроизвольно сжимаю ноги, отчего проникновение становится еще глубже. Двигает ими, лаская изнутри. Большим пальцем гладит сырые складочки, выписывает круги вокруг чувствительного клитора.

Прикрыв глаза, хватаюсь за края кушетки. Внутри стягивается пружина, дрожит, пульсирует, требуя разрядки. Закусив губы, чуть не плачу от неправильности происходящего. Никогда, ни разу в жизни не было такой реакции на мужские прикосновения. Так чтобы прожигало до самых костей, чтобы в голове, в теле не оставалось ничего, кроме бешеного желания.

Когда рука исчезает, не могу сдержать разочарованный стон. Внутри пылает, ноги дрожат от неудовлетворенного болезненного напряжения. Вернись обратно!

Андрей меняет позицию. Встает у основания кушетки, чуть нагнувшись, обхватывает ручищами за талию, и подтягивает к самому краю, к себе.

Пристраивается между ног, свисающих с лежанки. Снова вцепилась пальцами в край кушетки и бросила отчаянный взгляд в сторону двери, не зная, чего хочу больше. Чтобы пришла Арина и остановила это безумие, пока не случилось нечто непоправимое или чтоб никто не помешал.

Он приподнимает одну ногу и, начав с пальчиков, нежно массируя, поднимается выше. Мнет стройные икры, красивые колени, нежные бедра. Чтобы было удобнее, закинул ногу себе на плечо, и двумя ладонями начал разминать бедро, с каждым движением приближаясь к промежности.

Уже не в силах себя контролировать, не сдержала рваный, громкий вздох, когда его пальцы как бы случайно задевают нежное место, ненавязчиво сдвигая ткань купальника в сторону.

Что я делаю???

Пальцы снова легко касаются влажных складочек, и уже почти готова кончить от столь незначительных ласк.

Каждое прикосновение, будто электрический разряд, ураганом проносящийся по нервам и острым почти невыносимо болезненным спазмом отдающий между ног. Это пугает и одновременно вызывает звериный восторг.

Андрей, тем временем перешёл на вторую ногу. Так же медленно, чувственно, не пропуская ни одного миллиметра, поднимается все выше.

Слышен лёгкий шорох ткани – полотенце плавно скользит по его бедрам, падая к ногам. Не вижу этого, но чувствую каждой клеточкой, сжимаюсь от предвкушения.

Обе ноги у него на плечах, но он, как ни в чем не бывало, продолжает массаж, игнорируя мою дрожь, мое сорванное хриплое дыхание. Прикасается к животу, заставляя вздрогнуть, выгнуться навстречу. Надавливая ладонями, поглаживая большими пальцами, медленно ведёт вверх, к рёбрам, для этого ему приходится нагибаться вперед.

Забываю, что нужно дышать, как дышать, когда чувствует прикосновение головки к своей возбуждённой плоти. Андрей все так же неторопливо продолжает свое движение, ведя руками все выше, и член, плавно раздвигая нежные складки, легко скользит внутрь, проникая внутрь нестерпимо медленно, миллиметр за миллиметром.

Это парень сестры!

Плевать...

Ладони добираются до груди, нежно обхватывают, гладят налитые, твердые соски. Его таз все так же медленно сближается с бедрами, пока он, наконец, не входит на всю длину, прижимаясь ко мне. Замирает на секунду и отстраняется, полностью выходя, проводит головкой по клитору, раскрытым губкам и снова медленно входит, растягивая, заполняя собой пустоту.

Уже словно в хмельном дурмане раздвигаю ноги шире, еще больше открываясь ему навстречу.

Андрей начинает ритмично двигаться, отбросив в сторону нежности, с каждым движением наращивая темп. И вскоре начинает просто размашисто трахать, резко входя на всю длину. Крепкие пальцы с силой впиваются в бедра, когда он рывком, дергает, с силой насаживая на себя.

Уже не думая о том, что сестра может услышать, стону в голос, умоляя не останавливаться, подмахивая, желая принять его в себя как можно глубже. Каждый толчок обжигает внутри, разливаясь по венам сладкой болью.

Предбанник наполняя характерные звуки, шлепки мужского лобка о женские ягодицы, хриплое дыхание, стоны, липкие, тягучие, по-звериному обнаженные.

Его рука накрыла промежность и требовательные пальцы мягко, но настойчиво начали поглаживать чувствительный бугорок, массируя, надавливая, приближая к острой развязке.

Бьюсь под ним, зажимая рот руками, чтобы сдержать крик, рвущийся из груди, когда накатывает первая обжигающая волна.

Он не останавливается, еще крепче сжимает мои бедра, продолжая вколачиваться в податливое тело, безумно реагирующее на каждое движение, истекающее, полыхающее в нескончаемом экстазе. Теряю связь с реальностью, чувствую только его. Каждый миллиметр его членадвигающегося во мне, каждую набухшую вену.

Единственным ориентиром, не дающим окончательно раствориться в чувственном безумии, стали его глаза. Он, не отрываясь, смотрел на меня, прямо в глаза, в душу. Станный контраст отзывается тревогой внутри. Отрешённое, без единой эмоций лицо, и пронзительный, вспарывающий вены, взгляд серых глаз. Диссонанс, затрагивающий непонятные струны, о котором забываю, когда очередная волна острого наслаждения заставляет тело выгибаться, сотрясаясь крупной дрожью.

Глава 3

С трудом приоткрыв глаза, осмотрела по сторонам. Моя комната, моя постель. Судя по свету, льющемуся из окна – на дворе утро, причем не раннее. Сколько не силилась, не могла вспомнить, как здесь оказалась. Последнее воспоминание, разрывающее изнутри, было о том, как с раздвинутыми ногами лежу на кушетке в предбаннике, а надо мной тяжело дыша, как обойный молоток работает Андрей, выбивая сладострастные стоны.

Конец этого жуткого действия не помнила. Как оказалась в комнате тоже. Провал. Так может...

Неужели все это приснилось? Массаж, начавшийся столь невинно и переросший в безудержный секс с парнем сестры?

Опустила дрожащую руку вниз, прикоснувшись несмелыми пальцами к промежности. Пальцы почувствовали липкую влагу, а их прикосновения вызвали дискомфорт плоти.

Не приснилось!

Я действительно переспала с парнем сестры! Своей любимой Арины, ближе которой не было на всем свете. Сестры, приютившей ее у себя. Знала ли она, что пригрела на груди змею, которая по воли похоти не задумываясь, предаст, позарившись на чужого мужчину? Да и не нужен он. Ни тогда, ни сейчас. Просто по каким-то неведомым причинам мозг перестал контролировать тело, откинул в сторону всю ценность родственных уз, позволяя вожделению заполнить мир вокруг.

Меня тошнит от мерзости, плещущейся внутри. Стыд, желание провалиться сквозь землю, а еще лучше сдохнуть, чтобы не позорить этот дом своим присутствием.

Скатываюсь с кровати, с наскоку накинув халат на обнаженное тело, бегу в ванну. Не смотря на то, что вчера был «банный день» ощущаю себя грязной. Мне кажется, я пропиталась отвратительным запахом чужого тела, запахом предательства.

Поскуливая от отчаяния, натираю тело жесткой мочалкой, скребу кожу, оставляя некрасивые багровые отметины, царапины. Хочется упасть на колени, сжаться в комок и реветь, но держу себя в руках, с трудом, в груди все рвется, плавится.

На ватных ногах спускаюсь вниз. Никогда в жизни еще не было так хреново и не хотелось выброситься из окна. Даже жизнь с Вадимом сейчас воспринималась, как светлое безоблачное существование.

Что теперь делать? Смолчать? Или разрушить иллюзию сестры о том, что у нее достойный мужчина и любящая, преданная сестра? Или поговорить с Андреем, предложить ему схоронить эту тайну так глубоко, чтобы никто и никогда не узнал? А может потребовать, чтобы он исчез из нашей жизни навсегда?

Блин, как горько и сердце заходится. Как же я могла так поступить с Ариной? Не понимаю вообще.

Вспоминаю Андрея, и не понимаю себя еще больше. У меня к нему ноль интереса! Ноль без палочки! Не мое вообще! И не было никаких затаенных взглядов, не было тугого узла в животе, не было электрических разрядов при случайном прикосновении, не было томных мыслей перед сном. Ничего. Пусто.

Однако стоило сестре выйти из предбанника, как я по неведомым причинам раздвинула перед ним ноги. Выгибалась, билась, стонала как ненормальная. Как получилось, что с ноля до ста разгон за секунду? И потом так же стремительно обратно.

Спустившись вниз, слышу их голоса из гостиной. Разговаривают о чем-то, смеются, а меня тошнит. От себя, от него, от воспоминаний о порочных прикосновениях. Шалава, блин!

Вытираю вспотевшие ладони о карманы джинсовых шорт и медленно иду к ним.

– А, вот и наша соня появилась! – встречает меня радостный возглас сестры. Сердце в груди переворачивается, гулко, болезненно бьется.

– Привет, – отвожу в сторону глаза, чувствуя, что иду ко дну. Вся кожа горела от воспоминаний о вчерашнем предательстве, щеки полыхали от стыда. Хочется убежать. Невыносимо находится рядом с приветливо улыбающейся сестрой, не подозревающей о том, что я вчера натворила.

Ни жива, ни мертва, присаживаюсь в кресле напротив них. Меня всю трясет, выворачивает наизнанку. Зажимаю ладони между колен, чтобы не видно было, как их колотит.

Я не справлюсь, не смогу промолчать.

– Дианка у нас пока отдыхает, да? – сестра обращается ко мне, и я понятия не имею о чем речь. Ничего не слышу, не воспринимаю, в ушах шумит.

– Чего? – получается сиплый еле различимый шепот, во рту пересохло, колючая проволока, раздрает горло. Несколько раз кашлянув, спрашиваю чуть громче, – Чего?

– Я говорю, у тебя статус «свободна», и ты не собираешься заводить отношения в ближайшее время, – ее смех, такой родной, в этот раз отзывается болью в груди.

«Зачем мне отношения, когда можно раздвинуть ноги перед парнем сестры?» – внутренний голос не может сдержать горького сарказма.

Черт, как же все это отвратительно! Гадко. Грязно.

– Да, – киваю, нервно поправляя воротничок у блузки, мне кажется, он душит меня, вгрызается в горло стальными челюстями.

– А мы вот подумываем о том, чтобы перевести наши отношения на новый уровень, – чуть смущенно говорит Аринка, стрельнув в мою сторону лукавыми глазками.

– Какой уровень? – мозг ничего не хочет соображать, пребывая в шоковом состоянии после вчерашнего происшествия.

Сестра смотрит с легким укором, а потом растекается в счастливой улыбке:

– Мне Андрей сделал предложение... И я... согласилась!

Удар кулаком в солнечное сплетение. Не верю в происходящее. Он же... мы же...

Смотрю на него не в силах скрыть болезненного изумления.

Чернов, игнорируя мой взгляд, как ни в чем не бывало, целует сестру в губы:

– Я тебя люблю.

Они что-то говорят, рассказывают мне, но я не могу различить отдельных слов. Гул, словно меня окружил рой разъяренных ос. Задыхаюсь.

Урод! Заливает ей о вечной любви, прямо в моем присутствии!

В присутствии той, которую вчера натягивал по полной на свой член. Да что же за скотина такая?

Я на осколки рассыпаюсь, а он даже бровью не повел.

Сколько еще он вот так "массирует" кроме меня, при этом признаваясь в любви Арине? Одну? Двоих? Или может постоянно новые клиентки?

Давлюсь от отвращения, негодования.

Я не могу допустить, что бы он остался с моей сестрой. Чтобы женился на ней. Никогда! Пусть она меня возненавидит, за то, что сделала вчера, но по-другому поступить не могу! Я скажу ей все. Прямо сейчас.

О, Боже, дай мне силы!

Рассматриваю этого здоровенного сукиного сына. Просто бугай, помешанный на тренажерном зале. Огромные бицепсы бугрятся при каждом движении. Мутит от воспоминаний о том, как он вчера этими ручищами сжимал мое тело.

Прости Арина.

Я сейчас разобью твое сердце. Сломаю твой хрупкий иллюзорный мир. Иначе нельзя. Ты достойна лучшего парня, чем он. Честного, верного, преданного. Гони этого Андрея взашей! И меня вместе с ним! Такая поганая сестра тебе тоже не нужна. Другую ты, конечно, не найдешь, но лучше уж быть одной, чем с такой, способной на предательство дрянью, как я.

Все решив для себя, успокаиваюсь. Меня охватывает ледяное спокойствие, уверенность в том, что должна делать. Другого пути нет.

Встречаюсь с ним взглядом. Смотрю мрачно, в упор, показывая, что его песенка спета. Я не смолчу.

Андрей удивленно смотрит в ответ:

– Диана, у нас сегодня не в духе? – спрашивает с легкой усмешкой.

От злости скриплю зубами. Козел! Какой же он козел! Он не боится, вообще. Уверен в том, что смолчу, что не посмею сказать правду Арине. Уверен в своей безнаказанности.

Смотрю в сволочные карие глаза, набирая полную грудь воздуха и призывая на помощь всю свою смелость.

– Я... – слова замирают в горле.

Карие??? Почему они карие???

Я точно помню вчера холодный блеск стальных глаз. Серых, будто дымчатых. Я помню! Меня этот взгляд полночи во сне преследовал.

Давлюсь своей разоблачительной речью и вместо этого хрипло спрашиваю:

– Андрей, ты носишь линзы?

– Линзы? – парень изумленно поднимает брови и переглядывается с моей сестрой.

– Да, линзы, – повторяю резко, раздраженно, не думая о том, как это выглядит со стороны, – у тебя вчера глаза серые были.

– У-у-у-у, Матушка, – тянет Арина, – совсем плоха стала.

– Нет, Диан, я не ношу линзы, у меня нет очков, – хмыкает он, – слава Богу, со зрением все в порядке.

Я в замешательстве:

– Ну, как же! Я точно помню! Серые! Я же сама видела! – настаиваю, чувствуя, как в голос просачиваются истеричные ноты.

Что я привязалась к этим глазам??? Надо рассказать о том, что вчера случилось, а я вместо этого прицепилась к цвету. Какая разница? Может, перепутала, показалось.

– Слушай, Ди, – улыбается сестра, – если не секрет, ты это когда увидела? Когда захрапела на кушетке во время массажа? Или пока мы тебя несли в твою комнату.

– Что? – растерянно смотрю, то на одну, то на другого, – в смысле захрапела?

Они дружно смеются.

– Как все запущенно! Андрей начал делать тебе массаж, и ты буквально через две минуты блаженно хрюкнула и отрубилась. Да, так крепко, что не добудиться. В результате отнесли тебя наверх, – весело поясняет Аринка, задорно покачивая ногой.

У меня внутри все обрывается, покрывается ледяной коркой и рассыпается на миллион осколков.

Сон? Все это сон? Но...как же... Я же утром чувствовала все последствия бурной ночи... Вроде бы...

Не может быть...

Заливаюсь румянцем, чувствуя себя при этом полной идиоткой, а потом накрывает цунами понимания.

Это всего лишь сон!

Я не спала с парнем сестры! Господи, счастье-то какое! Словно цепи с души упали. Невообразимо!

Вскакиваю на ноги, бросаюсь к сестре на шею. Потом на эмоциях обнимаю Андрея, уже забыв, что минуту назад меня от него тошнило. Они оба с удивлением смотрят на меня, пытаюсь понять, что за муха меня укусила.

Это сон! Готова кричать, бегать по дому, как безумный папуас. Меня просто распирает от невыносимого чувства облегчения.

– Может тебе кофейку выпить? – предлагает Арина, подозрительно косясь в мою сторону, – что-то у тебя глаза больно нездорово поблескивают.

– С удовольствием, – плюхаюсь обратно в кресло и, блаженно прикрыв глаза, откидываюсь на спинку. Ощущение, будто заново родилась!

– Сиди, сейчас сварю, по своему фирменному рецепту. Мигом взбодрись, – она вскакивает на ноги и синичкой упархивает на кухню.

У меня внутри бушует блаженная эйфория, непередаваемое ощущение, почти безумное. Пять минут назад была готова повеситься на первом же дверном косяке, а сейчас хочу смеяться.

– Как спина? – участливо спрашивает Андрей.

– Отлично, – заверяю его с самой искренней улыбкой, – твой массаж творит чудеса...

– Хм, ты о тех двух минутах, что я тебя мял? Даже мышцы не успел разогреть, – отмахивается он, – так что моей заслуги тут нет. Но если хочешь, можем сегодня еще раз попробовать.

– Не-не, спасибо, – торопливо отказываюсь от "заманчивого" предложения, – я уж как-нибудь сама, своими силами обойдусь. Тем более уже почти все прошло.

Нет уж на фиг, а то вдруг опять приснится, не пойми что! Еще одной такой нервной встряски точно не выдержу.

Вот хороша бы я была, если бы сейчас заявила Аринке, что мы с Андреем вчера переспали! Меня даже замутило, от картинки сложившейся в воображении.

Краснею. В этот раз от мысли о том, как бы опозорилась, если бы все-таки начала рассказывать "правду". Просто несказанно повезло, что успела вовремя остановиться, просто счастливый случай, провидение. Они бы в меня в дурдом сдали, и дело с концом.

Фу-х, приснится же такое!

Разговаривая с Андреем о том, о сем, изо всех сил пытаюсь не краснеть еще сильнее, с трудом избавляясь от "воспоминаний". Это сон, всего лишь глупый сон. Я просто перегрелась в бане, вот мозг и выдал, не пойми что!

Внезапно понимаю, что сестры что-то слишком долго нет. Уже минут пятнадцать прошло, а с кухни даже аромата кофе не доносится, полнейшая тишина.

Заснула что ли по дороге? Или в телефоне как всегда зависла, решив проверить свои страницы в социальных сетях.

– Так, пойду-ка посмотрю, что она там делает, – поднимаюсь с кресла и направляюсь в сторону кухни

– Ди, скажи, чтоб она и мне кофе сварила, – просит Андрей, – голова что-то мутная после вчерашнего.

– Хорошо, – отвечаю ему, не оборачиваясь, и выхожу из комнаты.

Мурлыкая под нос веселую песенку, вприпрыжку иду на кухню.

Как же все-таки хорошо! Просто невероятно! Даже воздух кажется сладким. Чувствую, сегодня непременно будет замечательный день!

Сестра стоит рядом с плитой, спиной ко мне.

– Ариш, ты уснула что ли? Мы тебя заждались. Андрей, кстати, тоже просит кофе.

Она не оборачивается, методично что-то перемешивая.

Или нет?

До слуха доносится звук сыплющейся крупы, песка или чего-то подобного.

– Арин?

Ее движения какие-то скованные, нервные, дерганные. Спина напряжена, мелко подрагивает. Она плачет? Сердце падает куда-то виз, до самых пяток. Мне почему-то кажется, что я виновата, что из-за моего сна она расстроилась, хоть я о нем и не говорила.

В этот момент Арина сильно вздрагивает, и делает круговое движение, словно разминая шею. Медленно, некрасиво, по-птичьи.

Внутри холодеет, неприятно сжимается, скручивается в тревожную спираль.

Чувствую, с ней творится что-то плохое.

– Ариш, что случилось? – подхожу ближе, заглядываю ей через плечо, на плиту, пытаюсь понять, что она делает, – Арина...

Рваными, ломаными движениями она черпает ложку песка из банки и сыпет ее в уже до краев полную турку. Снова черпает и сыпет. Снова. И снова. И снова.

На плите уже гора песка. Белые крупинки, словно в замедленной съемке, скатываются по пологому склону. Отвратительно медленно, необратимо.

– Арина, ты чего?

Она не реагирует на меня. Бездумно продолжает то, что делала.

Почерпнула, высыпала...

Почерпнула, высыпала...

Словно заиклена программа. Безжизненный робот.

– Арина, хватит! Прекрати! – становится страшно.

Ноль реакции.

Хватаю ее за руку, пытаюсь остановить. У нее все мышцы как каменные, будто сведены, чувствую, как гудят, судорожно сокращаются, дрожат.

– Арина! – пытаюсь развернуть к себе лицом. Она деревянная, неподатливая.

Сестра на миг замирает, а потом медленно, рывками, будто внутри нее заедают ржавые шестеренки, сама разворачивается ко мне.

Не могу сдержать крик. Зажав рот одной рукой, отшатываюсь назад, налетаю на стул и чуть не падаю на пол, в последний момент удержавшись на ногах.

Ее лицо – изнеможенная бледная маска.

Правая половина лица съехала вниз, как во время инсульта. Из перекошенного рта медленно течет прозрачная струйка слюны.

Голова дергается, наклоняясь в одну сторону почти до плеча, и вставая на место. Постоянно, не останавливаясь.

Но самое жуткое – это глаза. Ее прекрасные нежные васильковые глаза.

Правый закатился наверх, так что еле видно радужку, а левый метался из стороны в сторону, не останавливаясь ни на секунду, вращался, дрожал.

– Арина! Ариночка, что с тобой? – шепчу, чувствуя, как у самой внутри все ходуном ходит, пульсирует от накатывающего ужаса, – Пожалуйста, остановись.

Она опять разворачивается к плите, возвращаясь к насыпанию сахара.

Почерпнула, высыпала...

Почерпнула, высыпала...

Механическая кукла. Безвольная марионетка.

– Риш! – подхватываю полупустую банку с сахаром, и отставляю ее в сторону, – Хватит, пожалуйста!

Вскрикиваю, когда резко, как дикий хищник, разворачивается в мою сторону. Рукой конвульсивно продолжает делать черпающие движения. Голова дергается все сильнее, быстрее, при этом из горла вырываются мерзкое хлюпанье.

Боже мой! Что это? Что происходит???

– Андрей! – зову, не в силах заставить себя подойти к сестре. Я боюсь. Мне страшно до жути. Холодные когти сковывают сердце, – Андрей! Иди сюда, скорее!

Кричу, как ненормальная, чувствуя, как по щекам градом бегут неудержимые слезы.

У Арины вываливается изо рта темно бардовый распухший язык, она шевелит им из стороны в сторону, издавая неприятные чавкающие звуки.

– Андрей! – уже просто визжу.

Она, пошатываясь, отгибаясь назад под невероятным углом, делает шаг в мою сторону. Руки, со сведенными пальцами, крючковатыми, словно когти хищной птицы хаотично мечутся, пытаюсь ухватиться за воздух.

– Андрей! – просто ору, во весь голос, пятаюсь от Арины, безумно раскачивающей головой из стороны в сторону.

Что происходит с моей сестрой? Что???

Из груди рвутся рыдания. Я не знаю, как ей помочь! Не знаю! Мне страшно.

Слышу приближающиеся неспешные шаги.

Наконец, он идет! Мне кажется, все происходит слишком медленно, растянуто, словно утопает в густом сиропе. Слово я сама тону, погружаюсь в липкую вату.

Из всех сил щиплю себя за руку, чтобы хоть немного придти в себя, очнуться. Боль отрезвляет. Судорожно вдыхаю, прижимая руку к груди.

Что я стою? Мне может кто-нибудь объяснить? Скорую надо вызывать! У нее же приступ, самый натуральный. Эпилепсия, или фиг знает что! Где мой мобильник? Хлопаю ладонью по карману – пусто.

Черт, наверху! В комнате! Заряжается.

Где ее телефон? Быстрым взглядом скользя по кухне. Нигде нет. Пусто.

У меня самой сейчас будет приступ, сердце бьется так, что больно в груди, в каждой клеточке.

Андрей появляется в дверях кухни. Замирает, глядя на нас. На сестру, словно на шарнирах, беспорядочно двигающую руками, головой, телом, на ревущую меня:

– Да, не стой ты как истукан! – кричу ему, – звони медикам! Держи ее, пока не поранилась!

В ответ тишина.

Сердито разворачиваюсь к нему, пытаюсь понять, чего тормозит. Хотя такое зрелище даже мужика деморализует.

– Андрей! – снова кричу, сквозь рыдания.

– Так, звонить или держать? – невозмутимо переспрашивает, спокойно рассматривая сестру.

– Да, что хочешь! Сделай хоть что-нибудь!

Арина тем временем начинает рывками совать ложку в рот, давиться, вторая рука судорожно сжимает ручку на плите.

Включает газ. Отключает. Снова включает.

А-а-а-а-а! Бросаюсь к вентилю и перекрываю газ. Потом, переборов жуткий страх, хватаю ее за руку, пытаюсь вытащить ложку изо рта, успевая в последний момент ухватить за кончик.

Зарывается рукой в свои волосы и начинает дергать, так что каждый раз в руках остается клочок.

Хрипит. По бледным щекам ручьем бегут слезы.

Отступаю, чуть жива, задыхаясь от ужаса.

– Андрей! – стону, без сил, задыхаясь, захлебываясь слезами, – ну помоги же, сукин ты сын!

В гневе, вся трясаясь, разворачиваюсь к нему.

Стоит, привалившись боком к холодильнику, исподлобья наблюдает за нами, даже не делая попыток вмешаться.

– Андрей! – как безмозглый попугай, в сотый раз повторяю его имя.

Переводит взгляд на меня. В упор. Глаза в глаза.

...Они все-таки серые...

Замираю, не понимая, что происходит.

Смотрю на него, получая прямой волчий взгляд в ответ. И нет сил даже вздохнуть. Тело светло, парализовало, только сердце безумно мечется в груди.

Арина начинает возить руками по керамической поверхности плиты, расшвыривая в стороны сахар, откидывая турку, потом снова оборачивается ко мне. В кулаке у нее по-прежнему зажат клочок длинных волос. Вытянутое лицо искажает оскал-улыбка. Глазницы превратились в белые пятна. Зрачков уже не видно, оба закатились назад.

Пячусь от нее, не в силах совладать с собой, своими страхами.

Да, что с ними обоими не так?! Что вообще происходит???

Отчаянный взгляд в сторону Чернова.

Все так же стоит, не шелохнувшись, лишь взглядом ловит каждый мой жест, сканирует, пробираясь под кожу.

Снова замираю, впервые заметив на его руке замысловатую татуировку.

Ее же не было там раньше! Не было! Я точно знаю!

Делает шаг ко мне и внутри все обрывается. От страха. Дикого животного страха.

Пячусь, отступаю, пока не натыкаюсь задом на стол.

– Не подходи ко мне! – в дрожащем, срывающемся голосе плещется истерика.

Ему плевать на мои вопли, приближается, не отрывая задумчивого взгляда от моего зареванного лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.